

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

ТО СМЕРТНОЕ, ТО РОБКОО

Я жалкое животное.
Прости меня, прости.
Веду глазами потными
чужих детей крестить.

Злорадствую, завидую,
как трактор, барахляю.
Я тварь в тебе убитую –
дрожашую – люблю.

То смертное, то робкое,
то голос ножевой.
Я жалкая, я крохкая.
Останешься со мной?

Лакать из плошки варево,
лизать луны пятак,
как жимолость-Цветаева,
сурепка-Пастернак.

Не расстраивайся, маленький,
не бросай меня всерьёз.
Что любовь?
В лесу проталинка,
тело, полное стрекоз.

Что печаль?
Четыре выстрела –
синий серого клюёт.
От земли душа отчистила –
жаль, до свадьбы заживет.

Так и выпрыгнем в историю
с георгинами в руках...
Что разлука?
Аллегория,
пересадка с МЦК.

В желании сродниться есть тоска,
недвижная, как тело языка,
когда его касаются стрихнином.
Так ледоколы мнут рубашку льдин,
так ищут дочь, так нерожденный сын
скользит над миром пухом тополиным.

Мне так невыносимо, так светло,
я так роняю каждое «алло»,
что, кажется, прощу Антониони
заснять все это: кухню, стол, постель,
засохший хлеб, молочную форель
ко мне не прикоснувшейся ладони.

И если говорить начистоту,
то я скорее пламя украду,
отравленную выберу тунуку,
чем буду улыбаться и смотреть,
как мальчики, идущие на смерть,
на небе собирают голубику.

Надя Агафонова погибла
для того, чтоб выжил агропром,
эскимо, домашнее повидло,
Брежнев на экране голубом.

Жил-быв-щыл – но некому послушать,
тишина над городом гудит.
Расцветают яблони и груши
у чужого дома на груди.

Когда ни темноты, ни света нет,
а ты выходишь и молчишь на свет,
и бледная акация плывёт,
луна ласкает тополю живот.

А ты выходишь и молчишь, как пёс,
которого хозяин в лес унёс:
и тени светлоглазые бодрят,
и выть не получается,
а зря.

Почувствуй себя лучшим,
двойником,
теперь ты в этой сказке ни о ком.
Сосед с рыбалкой...
прапорщик хмельной...
теперь ты анекдот, а не герой.

– И как мне с этим справиться,
как жить?
– Смотреть, как собирают гаражи,
как супермаркет скидками умыт.
Никто не справился,
не справимся и мы.

РОДОСЛОВНАЯ

Один погиб, другой расстрелян,
седьмой за хлеба воровство
пострижен наголо. В постели
не причащали никого.

Татары, русские, евреи
рыдают, охают, скрипят.
Бредёт по матушке Емеля
глазами в ад.

А я тут что? Хромой излишек?
Меня не ездили плетью,
не жгли допросами. Кто выжил,
тот обзаводится детьми.

И вот я существую. Хрупкий
неразговорчивый тростник –
ловлю в стакане сухофрукты,
давлю гармонию из книг.

И вот я женщина (морщины),
я еду к тридцати шести.
Какой остаток звёздной тины
мне полагается смести?

Капустной бабочкой, дремучим огоньком,
орешником ползучим, низкорослым...
Я не умею помнить ни о ком,
по черепкам исследую ремесла.

Не со-жалею – только со-живу,
не прекращаю – только превращаюсь.
На холмах Грузии укутавшись в траву,
к Олеше вырабатываю зависть.

Хороший друг, ленивая жена,
смотритель небольшой библиотеки,
не для того мне музыка дана,
чтоб памяти достаться на орехи.

По лунным дням на солнечной арбе
не зря тащу предлоги и подводки.
Я не умею помнить о тебе,
особенно про шрам на подбородке.

За меня никто не молится.
День примят и обестужен.
Издевается глаголица,
над кириллицею кружит.

Над акациями чёрными
за предел других щедрот
кот мой маленький поломанный
в облака меня ведёт.

То коснётся проявителя,
альдегидами храним.
– Кот, я так тебя обидела,
как мы справимся с таким?

То бредёт в небесных зарослях
(там простили перевес).
Я осталась. Ты отправился
в точку Р из точки С.

2020

Ты хотела двадцатые?
Вот двадцатые:
пожелтевшие лица на Беговой.
По больницам разъехались завсегдаган
литсалонов,
любители ар-нуво.

Мы идём на Кузнецкий (штаны не клёшены),
лишь троллейбус усиком шевелит.
Бедный транспорт!
его завернули в прошлое,
как Москву завернули в густой covid.

Жёлтой лентой скамейки на солнце жмурятся.
BMW опаздывает в кювет.
Город трешлет свидетелей,
словно курица
бьёт соседку
клювом
по голове.

*У нас проблемы, Хьюстон,
Приём, приём
Анна Маркина*

Кому нужна я,
слабенькая, злая,
раздавленная прихотью любой,
когда другие – вона как летают,

когда приёмом высланный покой
других встречал до моего сигнала,
до встречи космонавта с кораблём.
– Ещё урок, я вас не отпускала, –
гуляем по веревочке вдвоём.

То шар, то диск, то комната пустая,
то за кометой полосатый хвост
кому нужна я
а
кому нежна я
кто припечатан изморозью звёзд

кто обречён молозивом небесным
прикармливать божественную твердь
но мне известно мне теперь известно
я не могу ни взять ни умереть